

**Использование пленных и перебежчиков в античности:
получение военной информации**
Данилов Евгений Сергеевич

аспирант

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: corax@76.ru

Разведывание планов противника в ходе военных действий имеет давнюю традицию. А самыми лучшими источниками информации всегда являлись пленные и перебежчики. Их допрос мог дать полную картину того, какие действия производил противник накануне (*Polyb.* II. 27; *Caes.* B.G. I. 22, II. 16; *Tac.* Ann. IV. 73), что делают в данный момент враги (*Herod.* VIII. 26; *Ps.-Caes.* B. Hisp. 6) и что они собираются предпринять в ближайшем будущем (*Xen.* Cyr. VI.1.25; *Liv.* X. 20. 5; *Tac.* Ann. II.12; *Dio Cass.* XLVIII. 39. 5; *Front.* Strat. VI. 1). Причем этот допрос проводился по особым правилам. Во-первых, пленных допрашивали порознь, чтобы они не имели возможности сговориться о передаче заведомо ложных данных (*Xen.* An. VII.5.1; *Dionys.* V. 41. 4; *Amm. Marc.* XXXI. 15. 9). Во-вторых, при допросе использовались различные формы внушения: от обещания вознаграждения до пыток. В-третьих, полученная от них информация всегда сравнивалась с другими источниками для корректировки или опровержения (*Xen.* Cyr. VI.1.25; *Liv.* XXVII. 7. 3; *Amm. Marc.* XVIII. 6. 8, XX. 4. 1, XXI. 13. 4; *Mauric.* Strat. VIII. A 36). По мысли Д. Перетца, при допросе варварских пленников и перебежчиков обязательно присутствовал переводчик (*interpres*).

Интересующая информация составляла несколько позиций: численность противника (*Dionys.* V. 46. 1; VIII. 66. 2; *App.* Mith. 72), предполагаемая расстановка вражеских войск на поле боя (*Amm. Marc.* XVI. 12. 21; *Oros.* VI. 11. 17), места возможных засад (*Plut.* Otho. 7; *Amm. Marc.* XVII. 1. 8), тайные ходы в осажденную крепость (*Amm. Marc.* XIX. 5. 5).

Пленных также использовали как посредников при переговорах (*App.* Sam. X. 5), для оказания психологического воздействия на осажденных (*Tac.* Hist. IV.34), дезинформирования противника (*Anonymus.* VI). Видных и знатных пленных оставляли для обмена (*Onasand.* XXXV. 2). Часть пленников продавалась в рабство (*Onasand.* XXXV. 1) или отпускали за выкуп (*App.* Sam. IV. 1, X. 2; *Plut.* Brut. 30; *Philo.* In Flacc. 9). Человек, взятый в плен («язык») при нехватке времени мог быть *единственной* надеждой на срочное получение требуемых данных (*App.* Pun. 42). Марк Порций Катон во время подавления восстания кельтиберов в 195 г. до н. э., не имея другого способа проникнуть в планы неприятеля, приказал трем сотням воинов одновременно напасть на неприятельскую заставу, захватить и доставить невредимым в лагерь одного пленника; тот под пыткой сообщил все нужные данные (*Front.* Strat. II.5).

Причины перебежки могли быть совершенно разные: страх наказания за совершенное преступление (*Amm. Marc.* XVI. 12. 2; XVIII. 6. 16); поражение в гражданской войне (*Herodian.* III. 4. 7); стремление к материальному вознаграждению (*Herod.* II. 40; *App.* Hann. II. 17; *Cic.* Off. III. 22. 86; *Herodian.* VI. 7. 8; VII. 2. 1; *Eutr.* II. 14. 2), нервное и физическое истощение (*Dionys.* V. 26. 5; *Joseph.* B.J. III.7.33). В любом случае к перебежчикам относились как к предателям (*Amm. Marc.* XXIV. 2. 11). Худший же вид предателя – это болтун, который добровольно и бескорыстно выдает тайны (*Plut.* De garr. 15).

Степень важности информации, полученной от перебежчиков, зависела от их социального положения. Так, например, данные, которые были сообщены знатными бриттами Адмонием и Бериком, видимо, способствовали успешному развертыванию военной кампании Клавдия в Британии (*Suet.* Calig. 44.2; *Claud.* 17.1; *Dio Cass.* LX. 19).

Переход на сторону неприятеля был распространенным явлением во время гражданских войн. В разгар усобицы между Цезарем и Помпеем перебежки были обыденным явлением (*Ps.-Caes.* В. Hisp. 11, 12, 13, 16, 18, 20, 21, 26, 27). После гибели Цезаря так поступали солдаты в громадном числе, а некоторые из знатных людей считали, что переход из одной партии в другую не представляет собой «перебежки» (*App.* В. С. V. 17). Ежедневно кто-нибудь перебежал (*transfugiebat*) к Октавиану, к Антонию — никто (*Vell. Pat.* II. 84. 1). Во время смуты I в. н.э. раб-перебежчик помог вителлианцам захватить город Таррацину (*Tac. Hist.* III.77).

После допроса перебежчики могли стать частью той армии, к которой они перебежали (*Ps.-Caes.* В. Hisp. 34; *Tac. Ann.* II.78). Перебежчиков от Цезаря Помпей помещал в легкую пехоту, давая им на содержание по 16 ассов в сутки (*Ps.-Caes.* В. Hisp. 22). В других случаях они вместе с пленными привлекались к строительным работам (*Onasand.* XLII. 9; *Tac. Hist.* IV.23). Грань между этими двумя категориями потенциальных информаторов была очень узкой. Ведь если захваченный в плен не возвращался тогда, когда он мог это сделать, то он рассматривался как перебежчик (D. 49.16.5.5). Иногда же воин попадал в руки врагов после того, как сам дезертировал с поля боя (*Dionys.* VIII. 63. 3).

Перебежчиков следовало всегда остерегаться (*Onasand.* X. 7; *App. Pun.* 22-23). Под их личиной часто скрывались вражеские шпионы (*Liv.* XXVII. 15. 11; *Ps.-Caes.* В. Afr. 35; *Nep.* Datames. 6; *Aur. Vict.* De vir. III. XXX. 2; *Polyaen.* I. 15; *Mauric.* Strat. VIII. A 11, 41, 42; *Philostorg.* VII. 15). Они пытались заслужить доверие, стать «своими». Ценность поставляемых ими данных, в сущности, зависела от индивидуальных качеств и достигнутого уровня внедрения. Таким информатором был скиф Олкаба, внедренный ставкой Митридата в окружение римского полководца Луция Лициния Лукулла и долгое время участвовавший в его тайных совещаниях (*App. Mith.* 79).

Наказанием за перебежку и выдачу военных секретов чаще всего служила смертная казнь. Ведь тот, кто покинул родину с дурным намерением и с душой предателя, считался в числе врагов (D. 49.15.19.4). Пойманного дезертира лишали звания, под пытками допрашивали (D. 49.16.7), а после снятия показаний (D. 49.16.3) отдавали на растерзание зверям или распинали на кресте (*Val. Max.* II. 7. 12; D. 49.16.3.10). Карался смертью и тот, кто был задержан, когда намеревался перебежать к врагу (*Val. Max.* II. 7. 11; D. 49.16.3.11). Причем, перебежчиком считали не только того, кто перебежал к врагам во время войны, но и того, кто перебежал к нейтральным или дружественным нациям (D. 49.15.19.8). Такой человек потенциально мог поделиться своими знаниями стратегической важности (*Herodian.* III. 4. 8-9; *Euseb.* Vit. Const. II. 53). Свести к минимуму вредоносные акции перебежчика можно было через передачу писем подозрительного содержания, которые бы насторожили противника в его отношениях с предателем (*Mauric.* Strat. VIII. A 28). Для предотвращения перебежки использовались патрули и сторожевые собаки (*Aen.* XXII. 14; *Veget.* IV. 26; *Polyaen.* II. 25). Выдача пленных и перебежчиков являлась одним из условий римлян в ряде перемирий и мирных договоров (*Dionys.* III. 32. 5; *App. Pun.* VIII. 54, Sic. II. 2; *Iust.* XXXI. 7. 8; *Dio Cass.* XII. 17; *Sulp. Sev.* II. 23. 6). Наблюдение за своими воинами также могло предотвратить появление перебежчиков и дезертиров (*Plut.* Fab. Max. XX, Mar. XVI; *App. Sam.* I. 1, В.С. III. 43; *Front.* Str. I. 9. 1).

Таким образом, военнопленные и перебежчики являлись незаменимым источником разведывательной военной информации в древности, особенно для римского командования.

Литература

1. Peretz D. The Roman interpreter and his diplomatic and military roles // *Historia.* Bd.55. Heft 4. 2006. S.458.